

ОТ АВТОРОВ

Анастасия Медвецкая,

Санкт-Петербург,
июнь 2024

Этой зимой я пыталась вытащить на интервью основателя «Ночлежки» Валерия Соколова, о котором почему-то нет ни строчки в «Википедии» в разделе об истории организации. С трудом раздобыла номер, долго и нудно обрывала трубки — не брал.

Решила написать в ватсап и других мессенджерах — номер не зарегистрирован. Расстроилась, подумала, что дали устаревший контакт, и наотмашь набрала эсэмэс — вдруг. Он тут же перезвонил.

И начал объяснять, что в Петербурге он бывает раз в несколько дней, потому что каждый день надо кормить кота, который почти в Эстонии — в Ивангороде. «Неплохо дядька первое НКО для бездомных в стране сколотил», — подумала я и представила себе картину, как живет в свое удовольствие (в особнячке на реке Нарве), а водитель на черном «Ленд-Крузере» возит его туда-сюда, чтобы он тешился — кота кормил и жил не в каком-то там Петербурге, а с видом на Европу, в городе же появлялся — только на встречи.

Через пару дней встретились. Стоит — в джинсах «Левайс», высокий, широкоплечий, свитер в джинсы заправлен (!), и крутит в руках кнопочный телефон. Вот это он свободен от стереотипов! Додумываю: секретарша отвечает на мейлы, поэтому ходит с доисторической трубкой, водитель возит в особнячок за 120 километров от Петербурга, где экология хорошая, ретро ценит — свитер навыпуск не носит. Да и вообще, 20 лет о нем не слышно: забабал на «Ночлежке» состояние — и сидит-балдеет, даже в публичном поле не появляется.

Все оказалось совершенно не так. И эту историю стоит писать с вечными ремарками (сворачивает сигарету, курит и кашляет), потому что Соколов положил на «Ночлежку» все нервы и здоровье:

практически на ногах перенес туберкулез, продал свое единственное жилье (комнату на Невском проспекте), чтобы спасти детище. Вместо того чтобы быть с любимой умирающей женщиной, бегал по городу с патроном «Ночлежки» Его Королевским Высочеством принцем Майклом Кентским. А потом что-то случилось...

Эта книга о том, как романтичный бывший хиппарь действительно боролся за людей. И он, опечатавший кабинет вождя в Смольном и отменивший две статьи в Уголовном кодексе, пару лет назад был вынужден дробить пластик для переработки, чтобы хоть как-то выжить: семь пятидесятикилограммовых мешков в день — за 20 тысяч рублей в месяц. А его ребенок — «Ночлежка» — вырос, прошел пубертат и оборвал связи с отцом, который нежно считает неправильным конфликтовать с собственным дитем, хоть и не согласен с ним.

Валерий Соколов,

сентябрь 2024 года — в юбилейный год
Всемирной декларации прав человека

Если спросить любого миллионера (особенно отечественного, вышедшего, как и «Ночлежка», из 1990-х) о его первом миллионе, он уклончиво уведет разговор в сторону. Для общественной организации важны ее первые десять лет — и сегодняшняя «Ночлежка» об-

ходит и додумывает эту историю не потому, что есть что скрывать, как природу происхождения стартового репутационного миллиона некогда испеченного дельца, а потому, что просто не знает.

С 2004 года я вне «Ночлежки», и за это время наплодилось множество вариантов того, как все начиналось. Например, я, голодный

БЕЗДОМНЫЕ ДЕВЯНОСТЫЕ

грузчик с Московского вокзала, в 1990 году во время продуктового кризиса в городе пошел в исполком за продуктовыми талонами себе, а дали на всех. Что относил эти самые талоны в сквот на Пушкинской, 10, где когда-то сам жил (вообще-то у меня на Пушкинской никогда не было квартиры — школу закончил в Веселом поселке, а первое жилье в Петербурге у меня появилось в 1994 году — комната на Невском проспекте). Что непонятно кем организованные волонтеры создали «Ночлежку», якобы зарегистрированную в январе 1991 года. И много всякого еще.

Несмотря на то что я все еще жив, сотрудники «Ночлежки», где остаются и те, кого я когда-то брал на работу, и журналисты, по-прежнему довольствуются домыслами, особо не спрашивая, как оно было. Но загляните хотя бы в газетные архивы — городская пресса фиксировала каждый наш шаг. Ведь «Ночлежка» всегда была интересна тем, что когда-то началась даже не с нуля, а с отметки гораздо ниже: в 1990 году бездомность считалась преступлением, а значит, я и сам, ее основатель, формально был уголовником — да и разворачивалось все это на фоне глобальных изменений в стране.

Настало время рассказать эту незаурядную лично-общественную историю.

ЧТО ДЕЛАЛИ БОМЖИ С ВАУЧЕРАМИ: БОЛЬШАЯ РАЗДАЧА СЛОНОВ В СОБСТВЕННОСТЬ

*Наполеон с лотка продает ордена,
Медали и выцветший стяг.*

Майк Науменко. Уездный город N

В 1991 году демократические силы Петербурга обосновались на Измайловском проспекте, 8, а «Ночлежка» тогда начала получать первую гуманитарную помощь. Шла она в основном из Германии. Мы обращались в Комитет по распределению гуманитарной помощи, но нам обычно отказывали, а тут вдруг позвонили и сказали забрать 20-футовый контейнер с посылками. В них оказался простейший набор: консервированный хлеб, печенье, чай с сахаром, ветчина и что-то еще... Мы их сгрузили в наш подвал на Пушкинской, а потом раздавали всем бездомным: каждому по коробке в руки, а фиксировали выдачу в наших регистрационных картах.

Поскольку мы отдавали коробку под роспись, то дальше ее движение не контролировали. Но к нам неожиданно пришли менты с вопросом, действительно ли мы это бес-

платно раздаем бездомным? Многие из них пошли торговать наборами у Кузнечного рынка. С одной стороны, было очень обидно, с другой — понятно: зачем бездомному эти баварские сосиски, если он может их продать и купить себе что-то? Даже если фуфурь — выпьет и согреется, а сосисками в петербургском климате особенно не разомлеешь.

В следующий раз гуманитарная помощь удивила нас всех. Позвонили и сказали, что есть контейнер с одеждой. Суперская вещь, кто же откажется от одежды? У нас люди полураздеты. Действительно, пришел целый контейнер, а внутри плотно упакованные кубы одежды метр на метр, перетянутые металлическими стяжками, — очень хорошо все это закатывалось в наш подвал... Разгружали полдня, а пока отдыхали, по городу моментально разнеслась весть, что в «Ночлежку» привезли одежду. Народ мигом набился — человек сорок, больше не вместились, а остальные стояли и ждали на улице. Мы выкатили первый кубик и под восторженные взгляды, будто Бендер с Воробьяниновым стул вскрывали, открыли его. Он мгновенно расправился, став в объеме раза в четыре больше себя, и оказался горой пиджаков. Просто горой пиджаков!.. Мы стоим, смотрим, лежит эта гора пиджаков, бездомные молчат... Вдруг кто-то из сотрудников предложил, а давайте посмотрим, что во втором. Также торжественно выкатили второй куб — барабанная дробь, а там опять пиджаки.

И вот у нас лежит большущая гора пиджаков в приемном зале — и стоит толпа бездомных, которые тоже с ужасом на это смотрят. Штаны хотя бы — еще понятно, но пиджаки-то куда? Посчитать их невозможно — нужно проводить целую инвентаризацию, да и подробно их описывать бы пришлось. Они все были абсолютно разных типов, фасонов и размеров, даже национальные баварские костюмы были с декоративными пуговицами-листочками. Сказали,

что гуманитарная помощь, люди собрались, откуда мы могли знать, что там пиджаки эти?.. Да и сказали же — одежда. Не возразишь. В общем, раздавали мы эти пиджаки год, некоторые приходили по второму разу — весь город завалили немецким секонд-хендом.

Когда я эту историю с пиджаками рассказал в Комитете гуманитарной помощи, все очень удивились. Одна барышня даже не поверила, приехала специально проверить, действительно ли пиджаки? Ну, конечно, нет! А то, что скоро все петербургские бездомные будут ходить в пиджаках и по ним можно будет их узнавать, так это ничего.

Потом нам все-таки пришел контейнер с низом. Но штаны были, мягко говоря, не для бездомных. Бездомные ведь не отличаются особой комплекцией, а там были штаны от 50-го размера — для беременных мужиков. Я даже не возмущался особо, тем более что бездомные брали, чтобы это менять у бабушек на еду или продавать. Не проблема — это вопрос выживания, который человек решает самостоятельно. А то, что ему втюхивают то, что ему не нужно, — опять же не наша проблема, не мы же эту гуманитарную помощь собирали.

Вообще с гуманитарной помощью были сплошные казусы. В какой-то момент у нас появилась смешная барышня из Дании, которая спросила, чем она может нам помочь, что надо? Мы ответили, что, конечно, одежда. Также она увидела, что у нас только одна старенькая пишущая машинка. И в 1992 году она договорилась с каким-то капитаном, который из Дании шел в Петербург на барже, чтобы он взял гумпомощь для нас. Мы-то поговорили и забыли, а тут мне раздается звонок из порта, и говорят, приезжайте забирать вашу гуманитарную помощь. «Я, — говорит капитан, — стою на рейде. Завтра с утра уже планирую стоять у причальной стенки в грузовом порту».

Приезжаю — действительно есть баржа с капитаном, в трюме — мешки и коробки: «Забирай! Только сначала надо таможенную очистку пройти». Прихожу в таможню, а барышня меня спрашивает, что там. Объясняю, что знакомая из Дании отправила гуманитарную помощь.

— А что в коносаменте?

Я говорю:

— А что такое коносамент?

— Это таможенная декларация.

— А как она выглядит?

— У капитана возьмите.

— Так он к вам послал, чтобы вы таможенный досмотр сделали.

Инспектор пошел смотреть со мной, что в коробках, а я знать не знаю. Решили смотреть: развязали два мешка, действительно одежда. А вот в коробке оказалась печатная машинка с тамошней раскладкой с умляутами и так далее. Она ее запросто послала в страну, где еще недавно вся копировальная техника была на учете в КГБ. А клавиатуру-то в начале 1990-х поменять дело левое, конечно, но недостижимое. Говорю: «Ну давайте декларировать, раз прислали». Капитан стоит весь на нервах, потому что ему дальше нужно в Ладогу. Я ему предлагаю: мы сейчас груз разгрузим, а машинки ты повезешь обратно, потому что в Россию их не пустят. Он в ужасе: как я, дурак, на это согласился?! Я-то примерно понимал как — она ему каких-то денег заплатила.

А дальше началась беготня с оформлением этой государственной таможенной декларации. Таможня оказа-

лась очень продвинутой: сказали, что с коносаментом нужно идти в кабинет, где сидит девочка, которая все это оформит в грузовую таможенную декларацию, а потом в сберкассу — платить пошлину, а касса прямо в порту — все продумано. «Ребята, совесть-то имейте, какая с нас пошлина?» — «Мы ж не звери, — улыбаются, — маленькая пошлина будет, мы все понимаем». Пришел — сидит вся замученная девочка, потому что таких, как я, там целый коридор, а она, бедная, несчастная, одна. Напечатала все на компьютере и отправила сделать распечатку с дискеты. Хорошо мобильников еще не было, потому что капитан там уже просто изошелся на говно: «Я сейчас на пирс все выгружу — и отвалою!» Я ему объяснял, что он права не имеет — таможеню ждать надо. А он рассказывал, что это мой груз и «сам разбирайся».

В итоге я получил эту дискету, побежал к таможенникам, а у них обед. Я уж набегался и решил не сдаваться, вычислил, где у них столовка. До сих пор помню эти лица: прихожу — сидят, жрут. А я им: «Ну что, мужики, бездомные мерзнут. Вот дискета. Вот распечатка. С машинками решили — остаются на борту, он их даме в Данию вернет». Дали добро. У меня все это время грузовик стоял, в который надо было перетаскать целый забитый вещами носовой отсек. Благо, пропуск дали — машину к пирсу подогнать. Короче, растаможились.

Во всем этом безобразии внутри груза нашлись неиспользованные женские колготки, валом наваленные без всяких упаковок. Мы, сколько могли, раздавали, а потом эти колготки меня достали уже окончательно — стоит огромная коробка посреди зала. Да и барышни бездомные, которых по статистике не больше 30%, на меня как на сумасшедшего смотрят, когда я их спрашиваю, не нужны ли колготки? Уличные бездомные женщины жили стаями, а к нам в основном приходили просто те, у кого прописки

нет, — им колготки просто не нужны, а уличным подавно — в театр, что ли, ходить? Лучше уж рейтузы. Благо муж одной нашей сотрудницы оказался предпринимателем и все остатки чулочно-колготных, всех утомившие, у нас купил.

Довольно быстро мы поняли, что рассчитывать на гуманитарную помощь — плохая идея. Организация сама должна зарабатывать на свои нужды. И в мае 1992-го мы организовали большой концерт из групп ленинградского рок-клуба в ДК Ленсовета. Концерт Памяти Пионерской организации им. Ленина: мы надеялись, что организация померла наконец-таки с концами, поэтому решили устроить ей поминки, которые вели эпатажный Кирилл Миллер и танцовщик из «АукцЫона» Владимир Веселкин. А заодно и принять зрителей в ряды пионеров в последний раз, но никто не рискнул подняться на сцену, когда мы пригласили. На афише так и было написано, что концерт — в помощь организации «Ночлежка». Мы пробовали любые ходы для зарабатывания денег. И тогда на концерт взяли много бутылочного пива на пивоварне Степана Разина, чтобы торговать им в фойе. Как выяснилось, рокеры пиво не очень любили, поэтому всей «Ночлежкой» мы допивали пиво, чтобы вернуть тару, а значит, и какую-то часть денег. Помню, как кто-то в обеденный перерыв, икая, сказал: «Ну, давайте его уже в банки перельем и вернем наконец тару!» — «Не, тогда эту бадягу будет окончательно невозможно пить», — донеслось обреченно.

Алексей Алексеев,
фронтмен группы «Осколки»,
пионер-волонтер «Ночлежки»:

«В “Ночлежке” сначала появился мой приятель по техникуму Олег Иконников и заявил мне: “Хватит дурью маяться — тут кое-какая работа есть”. Я спросил, платят ли денег? “Не то чтобы, зато весело”, — ответил Олег.

ЗА БУРНУЮ ЮНОСТЬ,
ОПАСНУЮ ЗРЕЛОСТЬ
И СПОКОЙНУЮ СТАРОСТЬ:
ГАЗЕТА «НА ДНЕ»

*Лето!
Я купил себе газету.
Газета есть, а пива нету,
И я иду его искать.*

М. Науменко. Лето

На Синопской газета развернулась во всю мощь. При этом среди тех, кто ее делал, профессиональных газетчиков как таковых не было. Газета выполняла для нас две важные функции. Первая — это непосредственно предоставление работы для самих бездомных, которые становились ее продавцами и получали стабильный заработок, плюс мы показывали городу, что бездомные — не грязные попрошайки, а люди, которые стараются выкарабкаться и честно заработать; вторая — газета выступала пиар-сопровождением деятельности «Ночлежки», потому что в каждом номере мы публиковали свои отчеты, объявления о том, что мы ищем работодателей для бездомных, расчетные счета («На дне» рассматривалась в том числе и как финансовый инструмент для «Ночлежки»). Поэтому, конечно, мы

старались делать «На дне», как нам казалось, интересной для читателей и отличающейся от тех городских газет, которые выходили в Петербурге в то время.

В редакции мы сразу сели и договорились, что в газете не будет никаких гороскопов, телепрограмм и что там еще идет по стандартам — кроссворды?.. А вот они у нас как раз были — шуточные и неразгадываемые: «Художественное произведение — абсолютно новаторское, но в то же время всем понятное и близкое?.. Писатель, который никогда не разочарует?.. Вера в то, что через год в России будет рай?.. Награда, вручаемая водителям троллейбусов за умение плавно тормозить?.. Довод в защиту того, что дети должны уметь выражаться нецензурно?..» Также сделали страницу-судoku, с зашифрованными в них рисунками. В общем, всячески прикалывались.

И, соответственно, придумывали такие рубрики, которых не было в других газетах. Ну, например, рубрика «Мои первые джинсы». Ее основная идея была в том, что большинство наших читателей, жителей Санкт-Петербурга, особенно зрелого возраста, имели советское прошлое, в котором джинсы были нечто запредельным — за ними гонялись, покупали у фарцовщиков. И вот эта рубрика «Мои первые джинсы» — это такое яркое впечатление каждого постсоветского человека.

НА ДНЕ

ДЖИНСЫ — ЗА «ЖИЗНЬ РАСТЕНИЙ»

В 1974 году я учился в 9-м классе одной из школ Петроградской стороны. И, глядя на своих друзей, а друзья у меня были совершенно замечательные, потом они стали знаменитыми, больше всего мечтал о джинсах. Почему? У многих моих друзей папы были очень большими торго-

ВЫМИ РАБОТНИКАМИ, ИЗВЕСТНЫМИ ДЕЯТЕЛЯМИ И ВЫСОКИМИ ЧИНОВНИКАМИ В АДМИНИСТРАЦИИ ГОРОДА, ТОГДА ЕЩЕ В ГОРСОВЕТЕ, И, КОНЕЧНО ЖЕ, ОНИ ЩЕГОЛЯЛИ В ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ДЖИНСАХ. ДЕЛО НЕ В МАРКЕ ДЖИНСОВ. НО, КОНЕЧНО, БОЛЬШЕ ВСЕГО НА СВЕТЕ МНЕ ХОТЕЛОСЬ ИМЕТЬ LEVI STRAUSS. ЭТИ ДЖИНСЫ СВОДИЛИ С УМА. И ОДНАЖДЫ ЧЕРЕЗ СВОЕГО ДРУГА Я ПОЗНАКОМИЛСЯ С МОЛОДЫМ ЧЕЛОВЕКОМ, КОТОРЫЙ СКАЗАЛ, ЧТО У НЕГО ЕСТЬ ДЖИНСЫ, LEVI STRAUSS, ГЕНИАЛЬНЫЕ ДЖИНСЫ, НО ТОЛЬКО УЖЕ НОШЕННЫЕ, НОШЕННЫЕ-ПЕРЕНОШЕННЫЕ, С ПРОПЛЕШИНАМИ НА КОЛЕНАХ, ПОТЕРТОСТЯМИ. БЫЛО ИМ ПРИМЕРНО ЛЕТ ПЯТЬ. И ЗА 14 РУБЛЕЙ ОН ПРЕДЛОЖИЛ МНЕ КУПИТЬ ИХ. 14 РУБЛЕЙ ПО ТЕМ ВРЕМЕНАМ ДЛЯ МЕНЯ, БЕДНОГО УЧАЩЕГОСЯ 9-ГО КЛАССА, КОТОРЫЙ ДАЖЕ НЕ ИГРАЛ НА ДЕНЬГИ В ТУАЛетах ШКОЛЫ, СОСТАВЛЯЛИ ОГРОМНУЮ СУММУ.

И ТОГДА Я СОВЕРШИЛ МЕРЗКИЙ ПОСТУПОК. ЧЕСТНО В ЭТОМ ПРИЗНАЮСЬ, И ДО СИХ ПОР МОЯ СОВЕСТЬ БОЛЕЕТ. БАБУШКА ПОДАРИЛА МНЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ДВУХТОМНИК ИЗВЕСТНОГО НЕМЕЦКОГО ПРОФЕССОРА КЕРНЕРА «ЖИЗНЬ РАСТЕНИЙ». ЭТО КНИГИ 1898 ГОДА ИЗДАНИЯ, С ПРИЛОЖЕНИЕМ ОПИСАНИЯ РАСТЕНИЙ, СО СТРАНИЦАМИ, ПЕРЕЛОЖЕННЫМИ ПАПИРОСНОЙ БУМАГОЙ, В ИДЕАЛЬНОМ СОСТОЯНИИ. ОНИ ХРАНИЛИСЬ У МЕНЯ НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ. Я РЕШИЛ ПРОДАТЬ ЭТОТ ДВУХТОМНИК И ЗНАЛ, КАК ЭТО СДЕЛАТЬ, ПОТОМУ ЧТО ЧАСТО БЕГАЛ В БУКИНИСТИЧЕСКИЙ МАГАЗИН И ВЫЯСНЯЛ, ЧТО МОЖНО ТАМ ПРИОБРЕСТИ. КНИГИ Я ВСЕГДА ЛЮБИЛ. НО ВЗЯЛ ДВА ТОМА КЕРНЕРА И ОТПРАВИЛСЯ В БУКИНИСТИЧЕСКИЙ. ВСЯКИЙ БУКИНИСТ ЗНАЕТ ЭТОТ МАГАЗИН НА ПЕТРОГРАДСКОЙ СТОРОНЕ. И ТАМ Я ИХ ПРОДАЛ ЗА 15 РУБЛЕЙ, ХОТЯ СТОИЛИ ОНИ ДОРОЖЕ. НО ДЕЛО НЕ В ЭТОМ. КНИГИ ЭТИ БЫЛИ ЦЕННЫ ДЛЯ НАШЕЙ СЕМЬИ, ПОТОМУ ЧТО МНЕ ПОДАРИЛА ИХ БАБУШКА. НО, ПОЛУЧИВ 15 РУБЛЕЙ, Я ПОШЕЛ И КУПИЛ СЕБЕ ДЖИНСЫ. В ПАРАДНОЙ Я ИХ ОДЕЛ. ДЖИНСЫ БЫЛИ ВЕЛИКОЛЕПНЫ, ЕСЛИ НЕ СЧИТАТЬ ДВАДЦАТИ ДЫРОК НА ОДНОМ КОЛЕНЕ И ТРИДЦАТИ НА ДРУГОМ. СЕЙЧАС БЫ ОНИ ВЫГЛЯДЕЛИ КАК НАСТОЯЩИЙ РАРИТЕТ, ПОТОМУ ЧТО ХОДИТЬ В ТАКИХ ДЖИНСАХ МЕЧТА МНОГИХ СТИЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ. А ТОГДА ЭТО ВЫЗЫВАЛО БЕЗУМНЫЙ ПРОТЕСТ.

КОГДА Я, ГОРДЫЙ, ПРИШЕЛ ДОМОЙ В ЭТИХ ДРАНЫХ ДЖИНСАХ, МАМА СПРОСИЛА: «ЧТО С ТОБОЙ ТАКОЕ? ЧТО ТЫ НАДЕЛ?» Я ГОВОРЮ: «ТЫ ЗНАЕШЬ, МАМА, Я КУПИЛ СЕБЕ ДЖИНСЫ». ТОГДА ОНА ПОИНТЕРЕСОВАЛАСЬ, ОТКУДА Я ВЗЯЛ ДЕНЬГИ И СКОЛЬКО ДЖИНСЫ СТОЯТ. Я НАЗВАЛ СУММУ, И МАМА ЧУТЬ НЕ УПАЛА В ОБМОРОК.

Она сказала: «Где ты их взял, эти 14 рублей?» Я признался, что продал «Жизнь растений». Тут мама точно уже была в обмороке: «Ты что, с ума сошел?» Она потребовала, чтобы я быстренько побежал отдавать назад эти джинсы.

И надо сказать, что я пошел. Со слезами на глазах. Но не тут-то было. Молодой человек оказался гораздо круче, чем я, он сказал: «Ты купил у меня джинсы, и назад я деньги не отдам». Получился огромный скандал. Длится он примерно неделю.

Для меня памятно то, что джинсы эти несли в себе очень странный, жестокий момент. Еще не окрепшая моя детская душа столкнулась с ситуацией, как теперь говорят, капиталистических отношений. И это меня больше всего поразило. Это был хороший урок понимания экономических взаимоотношений. Гораздо лучший, чем все политинформации и уроки политэкономики, которые я получил потом в школе и в институте.

Я глубоко благодарен человеку, который продал мне эти джинсы и так меня кинул, за то, что я осознал самое главное. Я мог бы собрать своих друзей и пойти бить ему морду, чтобы он отдал назад деньги. Но не сделал этого. Я понял, что прощение таких поступков приносит некое знание, которое облагораживает человека.

Мне было гораздо лучше и потом прощать людей, которые меня обманывали, кидали. Они давали мне понимание того, как надо поступать.

С тех пор я и остался таким дураком простым. Я всем прощаю все и никогда ни на кого не обижаюсь. И вам этого желаю.

АЛЕКСАНДР КАРЕВ

В основном медийных персонажей интервьюировали три человека — я, арт-деятель с «Пушкинской, 10» Дима Пиликин и наш главред Марина Дмитриева. Всем известным, кого мы встречали, мы задавали очень важный для нас

ПИРАТЫ АДМИРАЛТЕЙСКОГО КАНАЛА: КАК РЕЙДЕРЫ ВСЕ ПОГУБИЛИ

Я видел секретные карты,
Я знаю, куда мы плывем,
Капитан, я пришел попрощаться
С тобой и твоим кораблем.

И. Кормильцев. Титаник

После визита принца Майкла в 2001 году мы активно вернулись к идее законопроекта о бездомности — проявляли чрезвычайную активность в информационном плане: регулярно проводили пресс-конференции по различным проблемам, связанным с бездомными. Нам нужно было отслеживать резонанс от этих пресс-конференций в информационном поле — тогда я познакомился с компанией, которая называлась ЭКРО, и ее директором Андреем Коротковым. Эта компания выпускала справочник по тарифам и услугам средств массовой информации Северо-Запада, и в том числе они предоставляли услуги по мониторингу СМИ по определенным тематикам. Нас интересовал, конечно же, мониторинг, связанный с бездомными: что газеты пишут о бездомности, о чем говорят